

Глава II: Люди и борьба

У большинства исследователей социальной истории, революционных достижений или возможностей, исследования почти исключительно сосредоточены на промышленных районах и промышленном пролетариате. Аграрные регионы и земледельцы сразу же отбрасываются. Более того, социальный класс мелких крестьян неизбежно считается контрреволюционным, прежде всего, согласно марксистской «науке», в которой данные условия существования и методы труда обрекают их пользователей на роль столпов реакции или её воплощения. Маркс настаивал на этом «законе» истории, даже утверждая, что борьба между городом и деревней была одним из главных аспектов классовой войны.

Действительно, в этом вопросе крестьяне неоднократно отставали от горожан. Тем не менее, ничто не абсолютно, и события показывают, что нельзя утверждать, что развитие жизни народов можно уместить в герметичные формулы. Испания является ярким тому примером. Действительно, если антигосударственный коллективистский социализм, задуманный Бакуниным, появился в 1869 году в Мадриде и Барселоне, то вскоре он распространился на исключительно сельскохозяйственные районы, а также на города, экономика которых была связана с общей сельскохозяйственной деятельностью. Фактически, социальное и социалистическо-анархистское движение распространилось на север, прежде всего в Каталонию, наиболее индустриализированный регион, и на юг, в Андалусию, регион, где сельское хозяйство доминирует и занимает почти всю территорию юга от атлантического побережья Португалии до региона Леванте на средиземноморском побережье.

Именно в этих двух регионах до революции и на протяжении долгого времени продавалось большинство пропагандистских журналов, газет и брошюр, и именно здесь социальная активность и непрекращающаяся борьба были одними из самых интенсивных.

Можно привести несколько объяснений. Во-первых, психологическое, поскольку андалузцы, пожалуй, среди испанцев наиболее враждебно относятся к приказам извне, к опеке государства и к власти, представленной адвокатами или чиновниками. Во-вторых, экономическое, поскольку структура аграрной собственности в виде кортихос — очень крупных ферм, часто занимавших тысячи гектаров, — на которых постоянно работало большое количество местных рабочих, получавших мизерную зарплату, способствовала формированию коллективного сопротивления и облегчала объединение рабочих в группы. Те, кто знал тот период, рассказывают, как по вечерам рабочие и жнецы, измученные дневным трудом, собирались в сарае, где спали, и там, при слабом свете одинокого фонаря, тот, кто умел читать, знакомил своих товарищей с содержанием революционных газет, издававшихся в Барселоне или в андалузских городах. Так распространялись идеи.

Однако это не объясняет всего. Как мы увидим позже, именно в некоторых провинциях, чаще всего среди мелких землевладельцев, которые благодаря своей экономической

независимости могли более свободно участвовать в борьбе, находились наши самые упорные, самые героические и способные бойцы.

Более того, если голод, безработица и повсеместная нищета были факторами и причинами социальной войны, то другие факторы мотивировали сторонников в их усилиях по социальному обновлению. Вернемся к особенностям человеческой природы. Абелардо Сааведра рассказывал нам, как, когда Франсиско Феррер взялся распространять новое образование в форме «современных школ» (*escuelas modernas*), он открыл 148 небольших школ только в этом огромном регионе Андалусии — сам он родился в Севилье. Феррер предоставил деньги и оборудование, а Абелардо Сааведра занимался организацией. Но ему нужно было найти средства поддержки и учителей на месте. Их предоставляли рабочие профсоюзы. Почти всегда учителями были молодые самоучки-активисты, которые с энтузиазмом брались за эти новые задачи и добивались успеха.

То же самое происходило и за пределами Андалусии. В 1919-1920 годах я посетил регион Леванте, особенно провинцию Валенсия, где несколько таких школ продолжали, как могли, дело мученика Монжуика. [19] Они существовали прежде всего в так называемых небольших сельских городках. Поскольку ресурсы, ранее предоставляемые Феррером, больше не были доступны, местный профсоюз, в который входили рабочие всех профессий, или местная федерация, где существовало несколько профсоюзов, приносили средства, вычитаемые из полученных взносов. Часто школа становилась главной, почти мистической, целью рабочего объединения. И я знал крестьян, которые отказывались от табака, своей единственной роскоши, чтобы каждый месяц отдавать дуру — пять песет — на содержание школы, которая к тому времени называлась «рационалистической».

Можно было бы написать множество трогательных страниц о борьбе, развернувшейся на местном уровне вокруг и за эти достижения, в которых преобладал моральный облик. Естественно, они вступали в конфликт с активной враждебностью касиков, крупных землевладельцев, хозяев местной жизни, которые объединялись со священниками, гражданской гвардией, иногда с аптекарями и врачами. Часто, следуя древнему обычаю, неофициального учителя арестовывали и депортировали пешком, в наручниках, между двумя конными гражданскими гвардейцами, в отдаленные регионы, где он жил под надзором. Почти всегда его место занимал самый образованный активист в округе. Затем почти всегда наступала его очередь подвергаться депортации. Его заменял другой рабочий или крестьянин, который также переходил из тюрьмы в тюрьму, в отдаленные провинции. Иногда властям удавалось закрыть школу. В некоторых случаях, когда существовала сплоченная группа, ученики каждое утро отправлялись в горы со своим недавно импровизированным учителем, который заставлял их читать, обучая их написанию слов и цифр в воздухе, или естествознанию путем непосредственного наблюдения.

Написанное мною лишь описывает один из аспектов социальной борьбы, которая, само собой разумеется, касалась существующих условий жизни, но также была неотделима от более высокой цели. Правда, эта борьба принимала множество форм, таких как демонстрации против государства, которые так часто поднимали крестьян Франции, Италии и Центральной Европы против сборщиков налогов во времена великих королей и императоров; но к ним добавилась классовая война, которая в то время была более

ожесточенной, чем когда-либо.

Используя информацию из надежных источников и обращаясь к особенно беспокойному периоду, мы перечислим факты, которые позволят читателю понять важность социальной борьбы, развязанной обездоленными в Испании во время восстания. Они относятся лишь к очень ограниченному периоду, но интенсивность описываемых событий позволяет оценить остроту общей ситуации. Они не дают представления о масштабах всеобщих забастовок, особенно в Андалусии, в конце XIX века, которые парализовали жизнь в городах, деревнях и сельской местности, где пастухи бросали свои стада в горах, кормилицы передавали своих подопечных аристократическим матерям, а домашняя прислуга объединялась с наемными рабочими. Тем не менее, то, что последует далее, и что началось через десять лет после зарождения испанского анархического движения, позволит нам лучше понять смысл этой социальной борьбы.

1879 год — казнь путем удушения крестьянина-анархиста Оливы, осужденного по социальным причинам — предположительно за покушение на касика. Роспуск рабочих обществ в Таррагоне (Каталония) и кооператива в деревне Оливера (провинция Кадис). Забастовка фермеров и издольщиков в Валенсии, отказавшихся платить землевладельцам. Вмешательство гражданской гвардии, многочисленные аресты, плакаты бастующих, прикрепленные к деревьям; 75 крестьян-бастующих депортированных, хотя и не осужденных, на Марианские острова (архипелаг Филиппин, которые в то время были испанскими колониями). В Аркос-де-ла-Фронтера (провинция Кадис), в Гранаде, Ронде, Жане — все в Андалусии — демонстрации бастующих, требующих работы и хлеба. Многочисленные аресты. Во многих местах население совершало набеги на пекарни и мясные лавки.

В июне и июле сжигание урожая происходит на виноградниках, в лесах и на зерновых полях, а также в амбарах крупных землевладельцев Кастилии, Эстремадуры, Валенсии и, прежде всего, Андалусии, где костры бушуют весь август. Человек по имени Монкаси казнен за покушение на жизнь своего хозяина. За ним следует Франсиско Отеро Гонсалес, который дважды безуспешно пытался застрелить богатого человека.

1880 год — Банды грабят церкви и налоговые конторы, требуют выкуп у ряда богатых людей в провинциях Таррагона, Толедо и Сьюдад-Реаль (последние две находятся в самом сердце Новой Кастилии). Волнения в Андалусии. По данным газеты «Revista Social», 4566 земельных участков были конфискованы и проданы сборщиками налогов. Позже еще 51854 участка были конфискованы, но не проданы из-за нехватки покупателей. В первые месяцы 1880 года еще 39000 земельных участков постигла та же участь.

В мае и июне в регионе Херес, Андалусия, происходят поджоги небольших фермерских домов и виноградников крупных землевладельцев. В этом городе 13 боевиков находятся под стражей уже двадцать три месяца по обвинению в поджоге, произошедшем в Аркосе; двое из них, Мануэль Альварес и Хосе Кампос Родригес, погибают. В Корунье (Галисия) взрывается бомба перед домом мэра.

В провинции Уэльва (Андалусия) забастовщики уничтожали стада и плантации деревьев. Более десятка восстаний против сборщиков налогов в различных частях страны (Вальс, Арриате, Оренсе в Галисии; Альмодовар, провинция Сьюдад-Реаль и др.).

В 1880 году в сельской местности провинции Кордова вспыхивают пожары. Уничтожены тысячи гектаров зерновых, в том числе 84 гектара, принадлежащих герцогу Альбе. Вновь поджигаются дома богатых. Нищета повергает людей в отчаяние. Либеральная газета «Эль Сигло» заявляет: *«Мы предпочитаем уединиться, поскольку убеждены, что триумфальная революция в Испании немедленно будет захвачена всеми демагогическими элементами страны»*. В монастыре иезуитов в Гандии (провинция Валенсия) взрывается граната. Обитатели перебираются в дом герцога Пастраны, но революционеры поджигают его.

3 августа трое человек, ответственных за крушение поезда и нападение на него возле Алькасаара в Кастилии, были расстреляны. 17 августа четверо приговоренных к смертной казни были казнены в Берсокане, один — в Риацце 19 августа, и еще один — в Марчене: десять казней за десять дней. Появляется подпольный журнал «Свободный муниципалитет» (El Municipio Libre), который распространяется в городах и сельской местности. Дом сборщика налогов в Рекейе (провинция Валенсия) был взят штурмом, а бухгалтерские книги и часть архивов муниципалитета были сожжены на площади. Вмешалась армия, народ противостоял ей. В городе Алькой, провинция Валенсия [20], иезуиты были вынуждены покинуть свои дома, столкнувшись с враждебным отношением народа. Боевики были арестованы в Малаге, где была обнаружена подпольная типография «Свободного муниципалитета».

1881 год — С 24 по 26 сентября в Барселоне состоялся конгресс комаркал (кантональных) федераций. По своей структуре многие из этих федераций были основаны на объединении земледельцев в профессиональные организации. Было представлено двести секций, присутствовало 136 делегатов. Против проголосовали всего 8 человек, и была принята резолюция, объявляющая целью федераций коллективистский анархизм. Диссиденты придерживались марксистского государственного социализма.

1882 год — в Севилье состоялся Национальный конгресс (называемый Региональным, поскольку анархисты считали Испанию регионом Интернационала) при участии 212 делегатов. Органически было образовано 10 регионов; 218 местных федераций, 633 профсоюза из 49 711 членов. Последняя цифра распределяется следующим образом: Западная Андалусия — 17 021 участник, Восточная Андалусия — 13 026; Арагон — 689; Каталония — 13 181; Старая Кастилия — 1 036, Новая Кастилия — 515; Мурсия — 265; Галисия — 847; Страна Басков — 710; Валенсия — 2 355. Эти цифры значительно меньше, чем число людей, активно участвовавших в социальной борьбе.

Следует также подчеркнуть усилия, в некоторых случаях исключительные, которые подразумевает присутствие такого большого количества делегатов, многие из которых были вынуждены путешествовать пешком или пересекать Испанию в невероятно сложных условиях.

Следует также отметить, что на этом конгрессе, примерно за тридцать лет до того, как Франсиско Феррер взялся за дело, которое стоило ему жизни, было решено основать школы, которые не находились бы под эгидой Церкви, или государства.

В Андалусии местная федерация Севильи, где в то время общественная жизнь была тесно связана с аграрной деятельностью, состояла из 53 профсоюзных секций и 6000 членов. Сразу после севильских конгрессов в провинции было организовано семь новых местных федераций, и 19 секций присоединились к Андалусской региональной федерации. Каждый номер журнала «*El Trabajo*» (Труд), выходящего в Малаге, объявлял о формировании двадцати профсоюзных секций, к которым в большом количестве присоединялись земледельцы. Из тиража в 18 000 экземпляров «*La Revista Social*» 8000 было продано только в Андалусии. Не следует забывать, что в то время население Испании составляло 18 миллионов человек, 65% из которых были неграмотны. Следует добавить, что севильскому конгрессу предшествовало около 20 региональных конгрессов для изучения повестки дня и принятия решений по вопросам, которые должны были быть вынесены на обсуждение.

1883 год — Газета «*La Revista Social*» сообщает, что в Марчене рабочий зарабатывает от 2 до 3 «реалов» (1 «реал» = четверть песеты) в день. В сельской местности Андалусии насчитывается 30 000 безработных. Федерация помогает 3500 из них (таким образом, существует практическая взаимопомощь, ограниченная только имеющимися ресурсами). Правительство проводит «закрытие библиотек и рабочих школ».

Но жестокий, отчаянный характер социальной борьбы спровоцировал создание тайного общества «*La Mano Negra*» (Черная Рука). Более 400 человек были арестованы по обвинению в принадлежности к нему. Боевиков из провинции Валенсия депортируют на Марианские острова. Вскоре 2000 рабочих обвиняются в принадлежности к таинственной организации; царит террор. Местные федерации распускаются, по всей стране проводятся обыски домов, совершаются социальные преступления, гражданская гвардия проводит обыски днем и ночью, аресты, заключения в тюрьму, пытки. В Монтилье (провинция Кадис-Андалусия) проводится масштабный судебный процесс. В библиотеке-школе в Ла Линеа (провинция Кадис) гражданская гвардия изымает мебель, столы, книги, оборудование и т.д.

В мае начинается первый судебный процесс над «*Чёрной Рукой*». Генеральный прокурор требует вынести тридцать смертных приговоров. Пятеро из осужденных были казнены. Полиция заявляет, что обнаружила ещё одну новую тайную организацию, и арестовывает двадцать ее членов.

1885-1886-1887 — В Коруффе (Галисия) происходит восстание крестьян против городских поборов. Книги, бумаги, регистры были сожжены. Войска открыли по протестующим огонь, восстание продолжалось два дня. Крестьяне Канольяса (3) в провинции Барселона отказались платить налоги, сто человек, вооруженных палками, заставили сборщика налогов уйти. Согласно либертарному журналу «*El Obrero*» («Рабочий»), только в декабре 1886 года государство конфисковало 75 ферм в Ходаре, 32 000 в провинции Логроньо и 4 000 на Балеарских островах за неуплату налогов. В Онтениенте, провинция Валенсия, люди штурмуют ратушу с боевым кличем «*Долой налоги!*» и сжигают все бухгалтерские документы. По оценкам, с 1880 по 1886 год Министерство финансов по распоряжению судов

конфисковало 99 931 сельскую и городскую собственность. С момента Реставрации, за тринадцать лет, эта цифра должна была достичь 999 000. [22]

Число конфискации было огромным, но точную цифру задним числом проверить невозможно. Тем не менее, в мае 1887 года было объявлено, что в районе Альканис (провинция Теруэль) 3000 ферм были проданы за неуплату налогов. В различных местах были объявлены новые и широкомасштабные беспорядки против городских пошлин, и гражданская гвардия ответила стрельбой по демонстрантам, убив и ранив некоторых из них. Аресты происходили по всей Андалусии также в противовес кампании в поддержку Чикагских мучеников. В Грасанеле (провинция Кадис) были заключены в тюрьму 24 мужчины и 6 женщин. Во многих небольших городах (например, в Рио-Тинто, провинция Уэльва, Андалусия) наблюдалась активная солидарность между движением фабричных рабочих и шахтеров. Во многих деревнях и небольших городах Андалусии царила отчаянная нищета. В Ла-Лохе (провинция Гранада), Эсихе, Лос-Аркосе, Санлукаре и Грасамеле мэры телеграфируют правительству Мадрида с просьбой о помощи и войсках. Португальская газета *Grito de Provo* сообщает о 414 565 конфискациях имущества (без указания периода времени), из которых 63 562 в провинции Куэнка (Новая Кастилия) и 73 395 в провинции Сарагоса. Крестьяне Старой Кастилии массово эмигрируют.

Изложенное нами выше, хотя и неизбежно неполное в отношении социальной борьбы за этот двенадцатилетний период, позволяет судить об интенсивности борьбы, которую вели люди во всех регионах Испании, за исключением, вероятно, Страны Басков.

Другие факторы дополняют объяснение поведения сельского населения, и было бы неправильно судить об их отношении, основываясь лишь на том отчаянном восстании, о котором мы только что упомянули. Безусловно, борьба прерывалась периодами затишья, когда силы репрессий одерживали верх и на целые годы объявляли крестьянские союзы (синдикаты) вне закона, а большинство одолевало чувство смирения. Но анархистские активисты всегда присутствовали как источник социального брожения. Они продолжали оказывать влияние посредством действий или пропаганды, распространения газет и журналов, создания библиотек, даже оказывая поддержку местному отделению республиканской партии, когда таковое существовало. Они продемонстрировали силу воли, стоицизм и героизм, часто поражающий воображение. Сотни из них пережили зачастую длительное тюремное заключение, ссылку на исправительные острова, депортацию, изгнание, бойкот со стороны касиков и их администраторов, внесение в чёрные списки со стороны боссов, отказ торговцев предоставлять кредит, бесчисленные преследования. Но эта борьба закалила людей и закалила сильную волю. Мы говорили и будем всё чаще видеть, что зачастую мелкие собственники, обладавшие определённой материальной независимостью, могли действовать и бороться с большей эффективностью, чем наёмные работники. Именно эти мелкие, независимые анархистские собственники внесли наибольший вклад в возрождение анархистского движения в 1915-1920 годах даже в городе Валенсия, где при монархии республиканизм захватил оппозицию. По воскресным утрам, оставив свои дела, они спускались из деревень и горных районов, или из Уэрты, чтобы сотрудничать с теми, кто в городе прилагал усилия для восстановления сил, сметенных репрессиями. Они были сторонниками, главными ремесленниками этого возрождения.

Именно в регионе Леванте я познакомился с Нарсисо Пуамиро [23], который жил в деревне Педральва, в горном и бедном районе провинции Валенсия, где он владел землей и принадлежал к числу состоятельных жителей этого района. И все же Нарсисо Пуамиро, высокий, худощавый, с золотым сердцем и просветленным умом, был выдающимся агитатором в кантоне Лирия, что, возможно, является наиболее интересной социальной историей региона Леванте.

Он работал на своих полях, а по ночам уходил пешком, чтобы не утомлять своего мула, которому, как и ему самому, предстояло работать на следующий день — преодолевая каменистые тропы, переходя из одной деревни в другую, проповедуя анархистское учение и организуя крестьян. Он реализовал часть своего имущества и содержал рационалистическую школу, в которой преподавала его дочь. Одновременно с борьбой против богатых эксплуататоров он вел борьбу против священников. Он также выступал на собраниях; но в нашем движении благодаря своей нравственной чистоте он был в регионе вдохновителем и вдумчивым наставником, который успокаивал вспышки гнева и противостоял проявлениям ненависти.

Когда войска Франко захватили власть, его местные противники, которые, в конце концов, не преследовали его в период антифранкистских войн, арестовали его. Долгое время о нем ничего не было слышно, пока однажды власти не вызвали жителей на деревенскую площадь. И перед ними, выставляя его на посмешище, они провезли телегу, на которой стояла большая деревянная клетка. В клетке находился Нарсисо Пуамиро, запертый, как Дон Кихот, при своем жалком возвращении, и подвергнутый насмешкам собравшейся публики. *«Но люди не смеялись надо мной, они смотрели на меня с печалью, и люди Франко ничего не получили за свои старания»*, — рассказал он моему информатору из своей тюремной камеры. Позже Нарсисо Пуамиро был расстрелян франкистами.

Обратимся к северной части Арагона и к еще одному из тех выдающихся людей, которые вызывают восхищение. Его зовут Хуан Рик, и он до сих пор жив где-то во Франции. Он жил в Бинефаре в провинции Уэска и владел 15 гектарами (37 акрами) хорошей орошаемой земли — небольшим состоянием — разводил и продавал около сотни овец в год, держал двух мулов и вместе с женой управлял бакалейным магазином, который принадлежал ей. В то же время он был главным активистом местного и кантонального анархо-синдикалистского движения.

Всегда движимый неиссякаемой энергией, он неоднократно подвергался преследованиям за подрывную деятельность. После преждевременного восстания в декабре 1934 года, в ходе которого погибли несколько гражданских гвардейцев, он дважды был приговорен к пожизненному заключению (что в то время означало тридцать три года тюрьмы) с добавлением еще пятнадцати лет. В общей сложности около восьмидесяти двух лет; Рик уже не помнит точно, сколько именно. Он вышел из тюрьмы по амнистии 1936 года и, конечно же, немедленно возобновил борьбу. И, естественно, несколько месяцев спустя он оказался в авангарде антифранкистского контрнаступления. Также было очевидно, что я нашёл его, всегда активного и улыбающегося, в качестве главного инициатора коллективистской организации кантона Бинефар, которая будет описана в последующей главе. Ему пришлось перебраться на другую сторону Пиренеев во время наступления

Франко, где он пережил французские концлагеря [24] , а позже — Дахау, куда его забрала полиция Гитлера и откуда он чудом вышел живым, и завтра, если сможет, вернуться в Бинефар (где местные жители отказались купить его поля, выставленные франкистами на аукцион), чтобы снова начать эксперимент по созданию эгалитарного и анархистского коллектива с тем же энтузиазмом, той же готовностью, той же просветлённой верой.

Сколько еще богатых, захватывающих биографий можно было бы написать об исключительных людях, о революционных анархистах, крестьянах, мелких землевладельцах и наемных рабочих, упрямых приверженцах революции, потому что они верили в справедливость и любовь! Передо мной краткий рассказ, составленный по моей просьбе одним таким человеком, который был ключевой фигурой в крестьянской борьбе в Навальмораль-де-ла-Мата, небольшом городке с населением 7500 человек в провинции Касерес, в Эстремадуре. Он дважды был приговорен к смертной казни, тяжело ранен в боях против франкистских сил, провел восемнадцать лет в каторжных тюрьмах, и, если бы у него были силы и возможность, я уверен, он тоже был бы готов возобновить борьбу, которую я сейчас кратко изложу. Но этот неизвестный герой, скромный и смиренный, считает необходимым отдать дань уважения другому скромному и неизвестному герою, прежде чем писать о себе. Вот что он говорит:

«Прежде чем начать рассказывать о себе, я хочу сказать несколько слов об Альфонсо Гонсалесе, старейшем активисте Навальморалья. Он был отцом всех нас, анархистов, много раз побывал в тюрьме, дважды был приговорен к смертной казни, арестован франкистами 22 июля 1936 года и освобожден в 1942 году; в 1944 году его снова арестовали за то, что он выступал в качестве связного с партизанами в регионе, приговорили к тюремному заключению и посадили в тюрьму Оканы. Он отбыл наказание и вернулся; в возрасте 84 лет власти изгнали его из Навальморалья. Он провёл шесть месяцев в деревне Талавуэла, а затем вернулся в Навальмораль, где умер шесть месяцев спустя. В завещании, составленном у нотариуса, он потребовал гражданского погребения. Власти пытались игнорировать его пожелания, но нотариусу удалось добиться того, чтобы пожелания старого борца были соблюдены. В стене кладбища пробили проем, чтобы прохождение тела по дорожкам, освященным Богом и священниками, не осквернило другие могилы, и его похоронили в уединенном уголке.»

А теперь, вкратце, что касается самого автора этих строк, Амбросио Маркоса:

«Либеральная оппозиция, представлявшая собой важный шаг в Навальморале, появилась в годы монархии в конце прошлого века в лице видных республиканцев, оставивших после себя приятные воспоминания у народа. Один из них основал большую публичную библиотеку, где можно было найти все книги по общей культуре, а также книги, посвященные социальным проблемам, и, следовательно, книги по анархической социологии, столь многочисленные в Испании. Это совсем не удивительно, поскольку некоторые республиканские течения мысли поддерживали братские отношения с рабочим революционным движением в антимонархической оппозиции. Социальные конфликты возникали в форме аграрных забастовок, борьбы против крупных землевладельцев. У нас нет подробностей, но в начале века говорят о «Черной руке» (Mano Negra), которая внушала такой ужас, что матери угрожали ею своим детям! Она заменила собой дьявола».

В 1905 году жители Навальморала восстали в защиту только что избранного либерального мэра, против которого маркиз Комильяс, считавшийся самым богатым человеком в Испании и владевший поместьями в пределах Навальморала, а также во многих других регионах, наложил вето. Рота Гражданской гвардии с винтовками и легкой артиллерией поспешила туда, чтобы оказать поддержку местным силам; после стычек все закончилось их отступлением и триумфальным выступлением народа. В последующие годы сохранились записи о демонстрациях против высокой стоимости жизни. В 1916 году была основана местная федерация рабочих, которая поддерживала Всеобщий Союз Трудящихся (ВСТ — социалистический и реформистский). Но на месте находились и активисты-анархисты, которые год спустя переманили эту федерацию в Национальную Конфедерацию Труда (НКТ). Произошли обычные социальные конфликты. В конце 1923 года Примо де Ривера установил свою диктатуру. Синдикаты были закрыты, как это произошло во многих других городах и регионах Испании, где социальная активность была очень интенсивной. Тогда возник тот самый гений подполья, о котором уже говорилось. Профсоюзное движение продолжалось, несмотря на закрытие синдикатов, члены платили взносы, собирались в полях (в других местах это могли быть леса или горы). Поскольку закон не запрещал создание рабочих групп, даже некоторых форм объединений, возчики организовались в трудовой коллектив. В разгар репрессий они вышли за рамки системы оплаты труда. Рабочие других профессий поступили аналогично. [25]

Когда Примо де Ривера ушел с поста в ноябре 1930 года, синдикат был немедленно воссоздан. За месяц его численность достигла 1500 членов. Также к синдикату начали присоединяться крестьяне. Вскоре их было 400, некоторые безземельные, другие владели лишь несколькими ара (1 ара = 120 квадратных ярдов) секано (сухих земель). Амбросио Маркос занялся сельскохозяйственным обществом, основанным католическими активистами или социально нейтральными людьми. Будучи сам землевладельцем и при поддержке других рабочих и крестьян, он оказал влияние на членов общества и привлек их к борьбе за землю, и в январе 1931 года полевые рабочие и бедные крестьяне завладели поместьями маркиза де Комильяса и других очень крупных владельцев этих владений, которые всегда оставались необработанными — и которые они всегда хотели иметь. В большом количестве они принялись за расчистку, вспашку и посев. В ответ на это вмешивается Гражданская гвардия, рабочие, кажется, сдаются, отступают со своими животными, телегами и инструментами; Гражданская гвардия остается на месте, торжествуя. Но вместо того, чтобы вернуться домой, крестьяне отправляются на другую сторону деревни, в другое имение, где возобновляют ту же работу. Женщины и дети приносят им питье и еду, а затем остаются на дорогах, чтобы предупредить о приближении врага, который в конце концов устает от этой игры в прятки и оставляет крестьянам плоды их труда.

В апреле 1931 года была провозглашена Испанская Республика. Новые власти сделали то, чего не сделали их предшественники-монархи. Суд над крестьянами длился шесть месяцев. Их приговорили к выплате компенсации за использование земли, но они этого не сделали. В июле они собрали урожай. Наступила зима (1931-32). Землевладельцы требовали вернуть им имущество, крестьяне этому сопротивлялись. Вмешалась Гражданская гвардия, вооруженная винтовками, но снова отступила.

Весенним днем караван из 500 рабочих отправился по дороге, ведущей в поля. Подобная муравьям кучка людей принялась за работу. Инцидент вызвал сенсацию — мадридские газеты сообщили о нем, журналисты и фотографы прибыли на место событий для репортажей. В других регионах крестьяне начали также вторгаться в необработанные поместья, и Гражданская гвардия, теперь республиканская, открыла огонь. Но не в Навальмораль-де-ла-Мата, по крайней мере, на тот момент, потому что, по словам Амбросио Маркоса, «они нас боялись». К 1933 году коллективная работа в поместьях продолжалась, но отношения становились все более напряженными. Постоянно происходили конфликты между крупными землевладельцами, касиками или их управляющими, поддерживаемыми вооруженными силами, с одной стороны, и крестьянами и рабочими профсоюзами, с другой. В марте 1933 года восемь наиболее активных боевиков, включая, конечно же, Амбросио Маркоса, были тайно арестованы ночью. Был отдан приказ применить к ним закон о бегстве. [26] Но через час новость стала известна, передана через телефоны, и все население вышло на улицы, а все подъездные дороги были перекрыты, чтобы предотвратить прибытие задержанных в провинциальную тюрьму Касерес. Власти организовали изменение маршрута автомобилей, и никто не осмелился применить закон о бегстве, и в три часа утра арестованные благополучно прибыли в пункт назначения. Но на рассвете ситуация в городе не улучшилась; помимо перекрытых дорог была взята штурмом ратуша, местные власти были взяты в заложники крестьянами и рабочими.

Задержанных не отпустили, поскольку власти хотели любой ценой подавить движение за экспроприацию. Но их места заняли другие активисты, и борьба в Навальмораль-де-ла-Мата продолжилась.

Забастовка временных рабочих в мае и августе, во время сбора урожая, затронула землевладельцев среднего размера. Вмешались республиканские правительственные власти, совершенно непохожие на апостольских деятелей республиканизма в его ранние годы. Но движение распространилось на соседние деревни: на Перальта-де-ла-Мата, деревню, не имеющую большого значения, где наша организация насчитывала 500 членов, на Вальдеункар с 200 членами, на Хосандилья-де-ла-Вера, на Вильянуэва-де-ла-Вера. И оно даже захватило соседнюю кастильскую провинцию Пласенсия, которая веками пребывала в спячке.

В декабре 1933 года, в ответ на триумф правых партий на выборах, НКТ (CNT) попыталась объявить общенациональную всеобщую забастовку, которая в итоге оказалась тактической ошибкой. В Оливия-де-Пласенсия здание ратуши было взято штурмом, но именно в Навальморале атака оказалась самой мощной. Три дня жители города были хозяевами положения. Начались бои, и в конце концов Гражданской гвардии удалось заставить CNT отступить.

Тридцать пять боевиков, большинство из которых были крестьянами, предстали перед судом и были приговорены к каторжным работам. Они вышли из тюрьмы, когда левый Народный фронт, одержавший победу на выборах в феврале 1936 года, объявил амнистию. Тем временем крестьяне Навальмораль-де-ла-Мата, столкнувшись с превосходящими силами противника, потеряли часть завоеванных территорий. Но они также обрели некоторые права пользования землей. Амбросио Маркос скромно подводит итог этой

эпической истории, которая, увы, закончилась триумфом франкистских сил, которые вскоре после своего нападения 19 июля 1936 года триумфально появились на публике:

«Можно сказать, что в отношении организации сельского хозяйства наши коллективы не были целостным воплощением вольного коммунизма, [27] но если учесть обстоятельства, то не было ни одной неудачи. Это самое важное, потому что каждая неудача приводит к отставанию и сеет смятение среди нас. Мы должны были доказать, что наши идеи практичны и наша программа может быть реализована. Вопреки властям и землевладельцам, была предпринята первая попытка коллективного земледелия. Помощь оказывалась наименее обеспеченным, сильнейшие помогали слабым. Некоторые рабочие стали крестьянами, чтобы принять участие в этом новом предприятии. Помощь оказывалась людям в других районах. Когда в Астурии произошла забастовка Дуро-Фельгера [28], бастующим был отправлен грузовик нута и много мешков картофеля, а также деньги. Забастовщикам на Центральной телефонной станции мы также оказали помощь, и были другие акты солидарности».

До сих пор мы лишь кратко — в ограниченном по времени и географическому охвату — описывали интенсивность социальной борьбы в крестьянских и сельскохозяйственных районах. Но, несмотря на её интенсивность, порой жестокую, она, возможно, превосходила борьбу, которая велась в городах. Во-первых, особенно в Андалусии, город и деревня часто действовали сообща, социальные конфликты переплетались. Но в промышленных зонах, и особенно в Каталонии, движение очень быстро распространилось и с исключительной силой. С начала века на Каталонию приходилось 70% промышленности Испании. Использование энергии воды из Пиренеев, постоянные контакты с Францией, широкий доступ к Средиземному морю, вклад франко-бельгийского капитала и местная инициатива привели к тому, что этот регион, испытывавший нехватку сырья, со временем развил обрабатывающую промышленность, которая приобрела значительное значение.

Таким образом, сложились условия для создания рабочих синдикатов, которые появились еще в первой половине XIX века (как и в Италии), причем в 1840 году существовали не только общества сопротивления рабочих, но и ремесленные федерации, которые, как, например, федерация ткачей, распространялись по всему региону, а также федерация трех паровых предприятий, которые в объединенном виде могли быть сравнены Ансельмо Лоренцо с профсоюзами в Англии.

А с 1870 года анархистское синдикальное движение представляло собой революционную школу, свободную от вмешательства, в которой наиболее важные рабочие организации сами определяли свою судьбу. Частичные и всеобщие забастовки, саботаж, публичные демонстрации, собрания, борьба против штрейкбрехеров (они тоже существовали), тюремное заключение, ссылки, суды, восстания, локауты, некоторые попытки захвата власти.

Автор этих строк прибыл в Барселону в июне 1915 года. В то время Испанская Национальная Конфедерация Труда (НКТ), основанная четырьмя годами ранее, переживала трудный период. Собрания против Первой мировой войны, организованные нашими товарищами, привлекали меньше сторонников, чем призывы республиканцев к участию Испании на

стороне союзников. Тем не менее, в Барселоне существовало четыре рабочих центра, называемых «Атенеос», потому что в каждом из них была библиотека, столы, за которыми можно было сидеть и читать, и где читались лекции. Движение анархистских групп действовало в согласии с НКТ.

Но затем произошла русская революция, влияние которой распространилось на Запад, вселив множество надежд. Внезапно увеличилось число членов профсоюзов, участились забастовки, усилилась социальная борьба, постоянно сопровождавшаяся противостоянием сил между рабочими организациями и организациями работодателей. Именно тогда наш еженедельник «*Solidaridad Obrera*», одним из основателей которого был Франсиско Феррер, стал ежедневной газетой. Два года спустя (в 1919 году) у нас было шесть ежедневных газет с тем же названием (в Барселоне, Бильбао, Сарагосе, Мадриде, Валенсии и Севилье) и около десятка еженедельников, выходивших в разных регионах Испании. К ним следует добавить такие журналы, как «*Paginas Libres*», превосходное издание, выпускаемое доктором Педро Валлиной в Севилье.

В сельской местности Андалусии сжигали урожай, но в городах Каталонии, Арагона и некоторых промышленных центрах на севере Испании забастовки следовали одна за другой.

Наиболее важная из этих забастовок вошла в социальную историю Испании как забастовка «*La Canadienza*» (Канадской Компании), вспыхнувшая в Лериде, примерно в 150 километрах к югу от Барселоны. Эта канадская компания строила большую плотину, которая позволила бы построить крупную электростанцию. Часть рабочих была уволена, и их товарищи немедленно вышли на забастовку солидарности. Ввиду сопротивления, оказанного компанией, движение сначала распространилось по всей провинции, а затем и на три другие каталонские провинции. Редко когда всеобщая забастовка была столь масштабной, бескомпромиссной и впечатляющей. Остановились не только мастерские и фабрики, но и все средства связи. Рабочая сила установила правила на улицах. Свободно передвигаться могли только врачи. Кафе, гостиницы, рестораны — все было закрыто. Ночью в Барселоне было полное затемнение. Эта забастовка, продолжавшаяся с 5 февраля по 20 марта 1919 года, была необычайной борьбой против работодателей и властей.

Но репрессии разразились с новой силой. Испанское законодательство допускало — и никогда не прекращало это делать, даже во время Республики, которая, наоборот, усилила репрессивные меры, — заключение под стражу как обычных преступников, даже если они отбыли свой срок, так и политических противников, особенно воинствующих рабочих, считавшихся подрывниками или представляющими опасность для общественного порядка.

Это дало политическим властям возможности для действий, которыми они в полной мере воспользовались. В период с 1920 по 1924 год число интернированных исчислялось тысячами. Мало того, что «Образцовая тюрьма» Барселоны была переполнена, так еще и интернированных приходилось размещать в монументальных Аренах, а лодки с ними загружали во внешней гавани, как это делалось во Франции после Парижской коммуны с использованием понтонов. Те, кто пережил эти напряженные и бурные дни, не могут этого забыть.

Но это было не всё. Пока у Испании были колонии, врагов режима, как и коммунаров, депортировали в Новую Каледонию. Во время забастовки «*La Canadiense*», помимо острова Фернандо-По, единственным доступным островом был Маон в Средиземном море. Этого было недостаточно, поэтому они прибегли к депортации в саму Испанию. Формировались конвои из заключенных, скованных парами и связанных общей веревкой. Именно поэтому эти конвои назывались «*cuerdas de deportados*» (конвои депортированных). Таким образом, группы по 30, 40, 50 человек отправлялись по дорогам в сопровождении конных гражданских гвардейцев, всегда готовых применить винтовку Маузер, которой был вооружен каждый человек в начищенной треугольной шляпе. Это был случай, когда революционных рабочих отправляли в более изолированные регионы, на 300, 400 миль и дальше, чтобы отрезать их от контактов с массами. Но когда люди одержимы идеалом, эти меры бесполезны. В итоге депортированные «*cuerdas de deportados*» дали результаты, прямо противоположные желаемым.

Вдоль всего маршрута вид депортированных вызывал сочувствие, великодушие и солидарность. Объявление о прибытии или проезде конвоя разносилось по деревням, и еще до того, как конвой достиг первых домов, раздавались крики: «Заключенные! Заключенные!»

Двери домов открывались, и женщины, дети и старики выходили, принося грозди винограда, хлеб, дыни, а мужчины спускались с полей, принося табак. Это было коллективное подношение, и Гражданская гвардия не могла поступить иначе, кроме как пропустить его.

И поскольку в тех самых отсталых регионах, куда их отправляли, наши товарищи присоединялись к работе в полях, могли передавать более передовые технические идеи и учить детей читать, в результате Благая Весть проникла в самые социально отсталые районы сельской местности.

Однако на этом репрессии не закончились. В Барселоне в конце 1919 года во всех отраслях промышленности был объявлен локаут, чтобы раз и навсегда сломить движение синдикатов. Он продолжался семь недель. Но хотя рабочая организация вышла из него значительно ослабленной, она не была уничтожена. Поэтому правительство приостановило действие конституционных гарантий (к чему оно часто прибегало в прошлом и к чему будет часто прибегать в будущем), и наше движение было объявлено вне закона. «Рабочие центры», а также Атенейский колледж были закрыты. И началась охота на ведьм в отношении CNT.

Сколько человек было убито, расстреляно на улицах Барселоны? Передо мной неполный список, но в него входит 101 имя. Среди них такие люди, как Сальвадор Сеги, рабочий, самоучка и выдающийся оратор; Эвелио Боаль, наш лучший профсоюзный организатор, и многие другие, некоторые из которых были моими друзьями. Некоторые тяжелораненые выжили лишь чудом, как в случае с Анхелем Пестаньей, получившим пулевое ранение в горло и еще одно в легкое, когда он выходил из вокзала в небольшом городке Манреса, где должен был прочитать лекцию. Выйдя из больницы, он сразу же отправился и прочитал лекцию, о которой было объявлено два месяца назад.

Версия #6

Радикальный Эволюционист создал 10 апреля 2026 20:54:00

Радикальный Эволюционист обновил 11 апреля 2026 08:52:47